

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.722+299.4+304

БУДДИЗМ И ТЮРКСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС*

С. А. Аязбеков

Академия художеств Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан)
skan.ayazbekov@icloud.com

Аннотация. В статье рассматриваются историко-культурные аспекты взаимодействия буддизма и тюркской цивилизации. Свидетельства распространения буддизма среди тюркских народов прослеживаются в мифологии, фольклоре, петроглифах, памятниках письменности, сообщениях и сведениях путешественников, античных и средневековых трактатах, хрониках, археологических данных, изобразительном искусстве и архитектуре.

Появление буддизма на территории Центральной Азии обусловлено идеологическими, политическими, экономическими, социокультурными факторами. Динамика и масштабы его распространения в Древнем мире и Средневековье могут быть объяснимы тем, что буддизм оказался достаточно близкой тюркским народам религией, поскольку и в тенгрианстве, являющемся древней и исконной религией кочевых народов Евразии, и в буддизме совпадают ряд центральных идей, показывающих схожие принципы мировоззрения и мировосприятия.

Ключевые слова: тюркская цивилизация, тенгрианство, буддизм, религия.

Для цитирования: Аязбеков, С. А. (2023). Буддизм и тюркская цивилизация: межкультурный и социально-политический дискурс. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 162-173. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.162-173

BUDDHISM AND TURKIC CIVILIZATION: INTERCULTURAL AND SOCIO-POLITICAL DISCOURSE*

S. A. Ayazbekov

Academy of Arts of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)
skan.ayazbekov@icloud.com

Annotation. The article is devoted to the spread of Buddhism in Turkic civilization as exemplified in mythology, folklore, petroglyphs, written monuments, travelers' information, ancient and medieval treatises, chronicles, archaeological data, fine arts and architecture.

The author analyses political, economic, ideological, social & cultural factors that impacted on the spread of Buddhism. He argues that the wide scale of its spread on the territory inhabited by Turkic peoples in antiquity and the Middle Ages is linked to the fact that as a religion, Buddhism is close to Tengrism in its concepts of the spiritual path

---

* Работа выполнена в рамках целевого финансирования программы BR10164111 «Культурное наследие Великой степи и культурный код казахов: цивилизационный контекст». Источник финансирования – Министерство культуры и спорта Республики Казахстан.

* «This research has been funded by the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan BR10164111 "Cultural heritage of the Great Steppe and the cultural code of the Kazakhs: civilizational context".

and reincarnation. The author analyses how Tengrism has influenced the formation of ideological foundations of Buddhism, popular among certain Turkic ethnic groups. It has impacted on the formation of Buddhism in its early stages of development and became instrumental in providing unity for heterogeneous ethnic groups and establishing the continuity of the existing political systems during the spread of Buddhism among Turkic peoples. Buddhism took on eclectic forms among the Turkic tribes of the Kushan, Turkic, Eastern and Western Khaganates by mingling new spiritual learning with Tengrist viewpoints about the Celestial God (Tengri).

Key words: Turkic civilization, Tengrism, Buddhism, religion.

For citation: Ayazbekov, S. A. (2023). Buddhism and Turkic civilization: Intercultural and Socio-political Discourse. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 3. pp. 162-173. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.162-173

Буддизм и тюркская цивилизация – каждая из этих тем, а тем более история их взаимодействия, являются чрезвычайно многоаспектными, представляющими научный интерес исторического, этнографического, философского, социокультурного характера. Рассмотрение же их взаимодействия в цивилизационном контексте предлагается впервые.

В связи с особым вниманием в данной статье к религиозному аспекту было бы корректно подчеркнуть, что все три мировые религии – буддизм, христианство и ислам – это великие социально-философские учения и духовные ценности, но именно буддизм выделяется особой концентрированностью духовного содержания, основанного на гуманизме, этике и сострадании, что обусловило его масштабное распространение далеко за пределы Индостана задолго до рождения христианства и ислама. Ибо, согласно дхарме, «... мудрость и сострадание – главные качества, которые необходимо развить в себе каждому человеку» [Эррикер, 1998, с. 31], и именно эта истина пронизывает суть философии буддизма и его религиозную практику. Причем, статус мировой конфессии был достигнут в основном благодаря ненасильственным формам и методам привлечения новых адептов, а также толерантному сосуществованию с другими культурами и конфессиями. Ибо само буддийское учение предполагало озарение и наполнение духовного мира новыми знаниями в преодолении существующих невзгод, и эта формула не могла не привлекать к себе всех страждущих и жаждущих нового понимания себя, своей жизни и predetermined судьбы, наполненной многими испытаниями, а также нового взгляда на окружающий мир в целом и место в нем Будды Шакьямуни, манифестирующего себя не в качестве Пророка, а Учителя. Подобное положение и исторические факты разительно отличаются от истории христианства и ислама, которые утверждали свое распространение и мировое господство не только посредством военных и экономических факторов, но и формирования идеологической основы геополитических изменений, которую составляли новые идеи, влекущие пересмотр прежних ценностей и целей бытия путем внедрения нового мировоззрения среди адептов утверждаемой религии.

Соответственно, если мы обратимся к истории зарождения и эволюции буддизма, то заметим, что его распространение из Индостана на сопредельные регионы и страны Южной и Юго-Восточной Азии – Китай, Тибет, Японию, Корею, Индонезию и другие территории – было длительным и постепенным. Эта же историческая динамика характерна и для Центральной Азии, куда продвижение буддизма началось с середины I в. до н.э. и уже в период Средневековья в его лоне находились ряд оседлых и полукочевых государств. В эпоху раннего Средневековья народы Центральной Азии в большинстве своем приняли

исламскую веру, но вместе с тем кочевые тюркские племена сохранили в своем этнокультурном и духовном развитии мировоззренческие основы и принципы, связанные с их исконным божеством Тенгри-Небом. Эти особенности своеобразного двоеверия сформировали феномен удивительного синтеза мышления на уровне сознания и подсознания, что обусловило такую культурную характеристику народов Великой степи, как толерантное сосуществование и смешение различных культурных традиций, их адаптацию и формирование новых синтезированных форм. Данное положение объясняет, почему тюрки, продолжая поклоняться своему богу Тенгри, смогли одновременно воспринять и иные духовно-религиозные учения, в том числе и буддизм. Подобный синкретизм, характерный для тюркских народов Сибири, Алтая, ряда регионов Кавказа и Причерноморья, был возможен благодаря особой открытости тюрков, издревле проживающих на обширных степных просторах Евразии, и потому тюркская цивилизация, основанная как на кочевой, так и на оседлой формах жизнедеятельности, предполагала особую связь и гармонию со Вселенной [Аязбекова, 2018]. Эти же идеи близки учению Будды, согласно которому «человек... должен находиться в гармонии с природой и проявлять уважение к каждому живому существу. <...> Именно от нашего поведения зависит, каким станет наше следующее воплощение. Буддисты считают, что имеющаяся у каждого человека возможность подняться в своем развитии к более продвинутому духовному и нравственному состоянию в огромной мере определяет дальнейшую эволюцию мира» [Эррикер, 1998, с. 26]. Данные идеи не могли не получить отклик в сознании и культуре многих сопредельных народов, поэтому широкое распространение буддизма задолго до мусульманской эпохи отчетливо зафиксировано во множестве источников, показывающих особую гармоничность бытия и сознания его носителей и создателей: в мифологии, петроглифах, памятниках письменности, сведениях путешественников, античных и средневековых трактатах, археологических данных, языке, музыке, изобразительном искусстве и архитектуре.

При исследовании исторических, этнокультурных и духовных аспектов распространения буддизма среди тюркских народов, необходимо кратко охарактеризовать сложившуюся в степном поясе Евразии цивилизационную систему, поскольку именно цивилизационная суть определяет все иные составляющие, в том числе и конфессию. Тюрки Евразии создали свою уникальную, отличную от других цивилизацию, которая обладает всеми цивилизационными признаками, что дает основание считать тюркскую цивилизацию явлением, внесшим свою лепту в развитие общемировой цивилизации. При этом данная цивилизация, будучи самобытной, одновременно несет в себе и определенные общетипологические черты, характерные для восточных цивилизаций в целом.

В ряде предыдущих работ [Аязбеков, Аязбекова, 2021а; Аязбеков, Аязбекова, 2021б] нами достаточно подробно исследован феномен тюркской цивилизации, которая рассматривается как локальная цивилизация в макроцивилизационной системе Великой степи. По своему статусу она относится к локальным эндогенным цивилизациям Евразийского степного пояса. Это означает, что генезис данной цивилизации изначально связан с данной территорией, а ее создателями являются тюрки. С исторической точки зрения принципиально важно, что именно тюркская цивилизация смогла объединить в своем развитии ресурсы и особенности обеих синхронных мировых цивилизаций – кочевой и оседлой. При этом в тюркской цивилизации особенно важным является

номадический компонент, который предопределил такие ее характеристики, как экстравертность, динамизм, стремление к восприятию достижений других народов и передаче им собственных достижений в различных сферах жизнедеятельности и формах хозяйствования, а также культурный и духовный опыт, накопленный за несколько тысячелетий.

Что касается буддийской цивилизации, то известно, что ее генезис протекал в Южной и Юго-Восточной Азии, ее ядром выступает территория Индии. Однако, начиная с конца I тыс. до н. э., периферийные зоны буддийской цивилизации распространяются и на обширные сопредельные регионы Евразийского степного пояса, входя тем самым во взаимодействие с тюркской цивилизацией. Соответственно, для территории Великой степи буддийская цивилизация выступает в качестве экзогенной цивилизации, и этот фактор имеет решающее значение для постепенного и естественного принятия новой религии теми ее приверженцами из числа оседлых тюрков, которые воспринимали новое учение в качестве духовной опоры и ответа на насущные злободневные проблемы бытия в окружающем бренном мире.

Важно при этом отметить, что восприятие и принятие новой религии не входило в конфликтное противоречие с традиционными верованиями и культурами, корни которых простирались в глубь веков и тысячелетий. Данное смешение традиционных культов и новых духовных воззрений, привнесенных буддийским учением, получило повсеместное распространение в тюркской цивилизации доисламской эпохи.

Важный вопрос, связанный с распространением буддизма, – это глубоко продуманная и эффективная стратегия внедрения не только религиозных воззрений, но и формирования социально-политических отношений. А. А. Насонов, исследуя данный вопрос, отмечает, что звеньями такого проникновения являются «знакомство с обстановкой в районе предстоящего закрепления, налаживание контактов с правящими элитами и получение их поддержки. Сначала происходила конфронтация с автохтонными духовными системами, заканчивающаяся затем адаптацией и сочетанием постулатов и доктрин. Кроме того, наблюдалось первичное институциональное оформление в виде школ-сект, а также использование буддизма в качестве идеологической опоры власти» [Насонов, 2011, с. 21].

Соответственно, успеху и широкому распространению буддизма в ряде регионов Центральной Азии, где преобладало оседлое население и была развита городская культура и инфраструктура, способствовали политические, экономические, идеологические, социокультурные факторы. Исключительно важна межцивилизационная роль Великого шелкового пути, ставшего связующим звеном народов и культур, благодаря чему происходило не только взаимодействие Востока и Запада, но и взаимопознание, и рождение новых форм синтеза культурного и духовного опыта между различными восточными народами, как на региональном уровне, так и достаточно удаленными друг от друга. При этом быстрота и масштабы распространения буддизма в Древнем мире и Средневековье в Центральной Азии во многом могут быть объяснимы тем, что по ряду своих проявлений эта конфессия оказалась достаточно близкой этнокультурным, ментальным и мировоззренческим особенностям тюркских народов, поскольку и в тенгрианстве, и в буддизме совпадают две центральные идеи – духовного пути и бессмертия [Аязбекова, 2023]. Более того, многие важнейшие характеристики универсума буддизма можно отнести и к тенгрианству, поскольку в обеих религиях язык и смысловое поле образуют

многоуровневую и многомерную систему. Так, «буддизм можно рассматривать и как философию, и как психологическую систему, и как модель мира, и как нравственное учение, и в конце концов как религию» [Козлов, 2011, с. 5]. Разумеется, эти положения могут быть соотнесены со всеми мировыми религиями, однако суть принципа историзма в том, что «буддизм – самая древняя из трех мировых религий и одновременно наиболее сложное теоретическое, философское, психологическое, мифологическое построение. Христианство моложе буддизма на пять, а ислам – на целых двенадцать столетий, даосизм и конфуцианство – на несколько столетий. Буддизм старше эллинской философии. Когда буддийские архаты решали проблемы онтологии бытия, варварская Европа еще ходила в шкурах ...» [Козлов, 2011, с. 4].

Продолжая эти исторические сопоставления, можно отметить, что тенгрианство, как сформировавшаяся в недрах традиционного сознания система понимания человеком своей связи с Природой и Космосом, сложилось среди кочевых народов Великой степи задолго до рождения и формирования буддизма. В силу заложенных в ней великих космогонических связей и понятий уже с глубокой древности тенгрианство в той или иной мере оказало существенное духовное воздействие на эволюцию многих иных последующих цивилизаций. Принципиальная же формально-сущностная разница и историческая характеристика заключается в том, что буддизм, христианство и ислам – классические религии, построенные на письменно оформленных священных писаниях, а тенгрианство – это традиционная религия, которая развивалась на бесписьменных формах самовыражения. Ибо это была культура кочевников, которые всю накопленную информацию духовного содержания, сознания и мышления, а также все основные этнокультурные традиции хранили в коллективной памяти, передавая ее изустно следующим поколениям. Эта изустная особенность тенгрианства обусловила определенное непонимание многими историками и религиоведами сути и форм функционирования данного духовно-мировоззренческого учения, поскольку иные мировые конфессии изначально были построены на классических канонах культового отправления, предполагающих организационно-институциональное развитие церкви. Это включало в себя написание, толкование и изучение догм, создание теоретических и философских школ, строительство в городах и крупных поселениях храмов и монастырей, развитие миссионерской деятельности, подготовку и обучение священнослужителей, и многие другие аспекты теории и практики в деятельности той или иной мировой классической конфессии. Генезис и развитие тенгрианства в кочевой среде предполагал совершенно иные формы и способы обращения к Богу, основанные не на централизованных и четко сформулированных канонах, как в классических религиях, а на индивидуальном восприятии человеком своей роли и места в мироздании и окружающей природной и социальной среде, как неразрывной связи с Тенгри-Небом и Умай-Землей. Соответственно, это была совершенно иная, более глубинная система индивидуального и коллективного сознания и мышления, заложенная в этнокультурном коде кочевников.

Многие аспекты духовной близости определили особенности адаптации новой религии в Центральной Азии, поскольку именно духовно-гуманистические основания буддизма, их определенная близость традиционным верованиям и культам древних тюрков, а также политико-идеологическая поддержка со стороны правителей и знати тюркских государств

обеспечили в совокупности постепенное и безболезненное распространение конфессии далеко за пределы Индостана. Ибо буддизм изначально был открыт для новых приверженцев, чему во многом способствовала активная и целенаправленная идеологическая и политическая функция монахов-проповедников, благодаря чему происходило успешное продвижение буддизма среди других народов и культур. «Такая направленность религиозной идеологии буддизма превращала его в беспрецедентно эффективное орудие имперской власти, причем власти, стремящейся к присоединению земель и народов. Становясь буддистами, носители иных традиций входили на равных в буддийский социум» [Рудой, Островская, 2000, с. 82]. Так, известно, что во II–III вв. распространение буддизма в Центральной Азии осуществлялось парфянами, юэчжи, кангюйцами и согдийцами. В основе этого находились политические интересы Кушанского царства, крупнейшего государственного образования той эпохи, достигшего своего военно-политического, экономического и культурного успеха во многом благодаря той идеологической роли, которую выполняла новая конфессия, толерантный характер которой позволял сохраняться и прежним традиционным верованиям, которые в совокупности с буддизмом формировали особые и устойчивые формы их синтеза и адаптации.

В последующие века на авансцену военно-политического и экономического лидерства выходит новое централизованное государство – Тюркский каганат, где духовной скрепой, объединившей судьбы многих народов, также стал буддизм, поддерживаемый верхушкой общества. Причем, если на раннем этапе (VI–VII вв.) буддизм исповедовали в основном согдийцы, тохаристанцы, хотано-саки, потомки парфян, то уже с VIII в. к ним присоединяются огузы, карлуки, чигилы. При этом следует особо подчеркнуть, что адептами буддизма становились в основном городские жители, поскольку только в городских условиях возможно строительство и функционирование буддийских храмов, монастырей, часовен. А в степной зоне Евразии, где возможно было только кочевое хозяйство и постоянные перемещения кочевых племен в соответствии с окружающими природно-климатическими условиями, исключались стационарные городские центры и поселения. Соответственно, кочевники-тюрки мало соприкасались с буддизмом, а исповедовали религию предков – тенгрианство. Поэтому на территории тюркской цивилизации буддизм был в основном распространен в городах, в особой мере в среде правителей и знати.

Аналогичная ситуация наблюдается в созданных позже Восточном и Западном каганатах. Здесь также именно правители оказывали буддизму покровительство, видя в нем инструмент, помогающий объединить разные по воззрению и этническому составу племена. Как правило, тюркская элита, принимая новую религию, либо покровительствуя ее распространению, строила буддийские храмы и монастыри, оказывала им финансовую и организационную поддержку на государственном уровне. Сохранились артефакты, изображающие поклонение Будде местными правителями, что особенно наглядно видно на фресках монастырей Турфана и пещер Базеклика (Восточный Туркестан – IX в.). При этом был особо почитаем культ бодхисатв в храмах и монастырях этого региона [Елихина 2010]. Жители этих тюркских городов также видели в буддизме и конфессиональной деятельности священников и монахов искреннее служение учению Будды Шакьямуни, которое способствовало распространению между всеми членами новой религиозной паствы таких важных психологических феноменов, как терпимость, взаимная поддержка и сострадание.

Буддийская община была организована при дворе Таспара-кагана – сына Бумын-кагана, который первоначально исповедовал тенгрианство, а затем, приняв буддизм, воздвиг храмы и монастыри, где принимал участие в проведении обрядов. Для него же были переведены буддийские сутры [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 121-146].

Многообразные формы распространения буддизма в тюркской цивилизации нашли отражение не только в сохранившихся фресках в храмах и монастырях Центральной Азии, но и в петроглифах. Так, известна легенда о появлении трех изображений Будды среди петроглифов Танбалы (Казахстан, Алматинская область). Согласно этой легенде, в X в. в Жетысу (Семиречье) делала остановку буддийская миссия. Произошедшее в это время землетрясение было расценено как знак свыше, побуждающий миссионеров вернуться в Индию. На одном из отколовшихся во время землетрясения кусков скалы и были высечены три изображения Будды. В Танбалы есть также надписи на тибетском и калмыцком языках, в том числе и буддийские мантры. Тибетские молитвенные строки найдены и среди петроглифов Кызылауыз – природного парка «Алтын Эмель» (Казахстан). Надпись на санскрите, датированную XVII в., удалось обнаружить в Тарбагатае, буддийские изображения находятся и на Теклийской стеле в ущелье реки Кора восточнее Талды-Кургана (Казахстан) [Чмеленко, 2013].

Вместе с тем, начиная с VIII–IX вв., наблюдается целенаправленное преследование буддизма, разрушение храмов и монастырей, что связано с приходом ислама; и, в особой мере, после его принятия как государственной религии тюрками-караханидами в 940 г. Тем не менее, несмотря на изменившиеся социально-политические и идеологические приоритеты, буддизм смог продолжить свое существование наряду с исламом, хотя и отошел на второй план в общественной жизни. Так появилась форма своеобразного двоеверия, при которой буддизм проявлялся больше в личном, индивидуальном сознании и сохранившихся формах культовой практики в небольших общинах буддистов. Соответственно и после X–XI вв. буддизм продолжает развиваться в Жетысу [Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука, 1993, с. 110], поскольку духовно-этическое содержание этого учения, повлиявшее на мировоззрение и этнокультурный менталитет тюрков-буддистов, сохранилось в сознании его носителей, часть из которых продолжали служение Будде, но большая часть все же перешла в ислам. Принятие новой мусульманской веры означало кардинальную трансформацию всего спектра сознания, психологии и культуры.

Вместе с тем, сохранившиеся буддийские общины не растеряли наиболее верных и последовательных сторонников, а в наши дни мы наблюдаем второй ренессанс учения Будды Шакьямуни в Сибири, на Алтае, ряде других регионов Центральной Азии, поскольку на стыке второго и третьего тысячелетия человечество столкнулось с сильнейшими изломами в сознании и мировосприятии, вызванными вакуумом истинной гуманности и сопереживания. Ответы же на эти извечные вопросы лежат в различных социогуманитарных проявлениях, одним из которых бесспорно и является духовное и морально-этическое содержание буддизма.

Известно, что буддизм имеет множество толкований и интерпретаций, в нем не было общеподддийской церкви и централизованного управления, наподобие Ватикана в христианстве. Возможно, это связано с основной целью буддийского учения – достижением индивидуумом освобождения путем прохождения самостоятельного духовного

пути. Соответственно, отсутствие организационно-институционального единства в буддизме привело к возникновению множества направлений, течений и школ, но которые, в отличие от религиозного раскола, раздробленности и даже непримиримых конфликтных столкновений в других мировых конфессиях, основывались на принципе толерантности и уважения иных прочтений и толкований наследия Будды Шакьямуни. Поэтому, какими бы ни были философские различия между ними или формами культовой практики в тех или иных регионах распространения буддизма, все они опирались на базовые принципы духовности, этики, морали. Наиболее крупными из них явились такие направления, как тхеравада (хинаяна), махаяна («Великая колесница»), ваджраяна («Алмазная колесница») и гелукпа.

В городских центрах тюркской цивилизации в большей степени были распространены махаяна и ламаизм, поскольку близость к тенгрианству стала тем источником, который повлиял на становление и формирование сущностных основ этих школ. В результате произошла вторая встреча тенгрианства и буддизма, с той лишь разницей, что если на ранних этапах духовные идеи тенгрианства оказались близки учению буддизма, то уже в период расцвета тюркских государств в эпоху раннего Средневековья он стал религией политической верхушки общества, обеспечивающей ей власть, государственное единство различных этносов и преемственность сложившейся политической системы. Тем самым буддизм в тюркской цивилизации принял довольно эклектические формы, в которых сохранились как новое осмысление духовно-этических и даже созерцательно-отрешенных форм индивидуального философского отношения к жизни и окружающей среде, так и прежние представления о Небесном боге – Тенгри. Впрочем, соответствующие аналогии можно проследить в распространении и принятии ислама, который среди тюркских народов, особенно кочевых, также совмещал в себе доисламские тенгрианские верования, чем и объясняется его отличие от классического ближневосточного ислама.

Еще одним из решающих источников проникновения буддизма в религиозную систему тюркских народов стало историческое единство тюрко-монгольского мира, проявившееся в различных аспектах. Так, с конца XIV в. по первую половину XVIII в. произошло широкое распространение ламаизма в Забайкалье и Алтае-Саянском регионе, и это духовно-культурное влияние по сей день является доминирующим явлением, несмотря на множество иных довлеющих факторов в политической и социокультурной истории, имевших место в средние века, Новое и Новейшее время.

Распространению ламаизма в XVII – первой половине XVIII вв. среди тюрко-монгольских народов способствовал расцвет Джунгарского государства, в котором институты ламаизма укреплялись через поддержку аристократии. На территории Восточного Казахстана и Жетысу в XVII–XVIII вв. было развернуто строительство огромного количества буддийских храмов и монастырей, среди которых наиболее известны монастырь Аблайкент вблизи Усть-Каменогорска и Кызылкент в Кентских горах. Показательно, что только в Жетысу было построено 58 буддийских храмов и монастырей [Волобуев, 1963].

Со второй половины XIX в. и первую четверть XX в., в результате кризиса Цинской империи, из-за отсутствия четкой границы между Цинской и Российской империями, монгольского сепаратизма, а также поражения России в русско-японской войне 1904-1905 гг., буддизм получил возможность для широкого распространения на территории России среди проживавших здесь тюрко-монгольских народов. Так, именно в этот период

в Алтае-Саянском регионе возросла активная миссионерская деятельность монгольских лам, обусловленная рядом социально-политических факторов, вызванных недовольством автохтонного населения перегибами переселенческой политики, повлекшими невосполнимые людские и экологические потери, деформацию среды их обитания [Анохин, 1927, Бакай, 1926, Верещагин, 1919, Садовой, 2000].

Эти и другие социально-политические события положили начало распространению среди тюрко-монгольских народов, проживающих на территории Алтае-Саянского региона (в основном в границах Российской империи), бурханизма. Кроме того, экспансия бурханизма среди тюрков Южной Сибири была связана также с борьбой за независимость Монголии, находившейся в составе Цинской империи. Неслучайно, в это время монгольское ламство направило свои усилия на приграничные территории. Так, в 1911 г. произошло приобщение к бурханизму телеутов [Насонов, 2010; Насонов, 2012].

Отсутствие конфликтного начала и идеологических обоснований своей исключительности – есть главное духовно-этическое измерение учения Будды Шакьямуни, основанного на принципах гуманизма и сострадания, абсолютно не воинственного, лишённого в своей истории и эволюции кровопролитных войн, крестовых походов и исламских джихадов. Неслучайно на рубеже XX–XXI вв. в среде политиков и творческой интеллигенции многих западных стран стал все более востребован растущий интерес к великим восточным культурам, религиозным и духовным учениям, среди которых именно буддизм становится наиболее привлекательным в силу своего духовно-этического содержания.

Обобщая сказанное, можно отметить: причины и факторы распространения в тюркской цивилизации буддизма весьма многообразны. Современная же судьба буддизма на территории Центральной Азии во многом связана с доминированием в данном регионе ислама, а также влияния православия в Южной и Восточной Сибири и на Алтае. Однако и сегодня мы можем констатировать его сохранение среди многих тюркских народов – тувинцев, саларов, алтайцев, хотонцев, цаатанов и других. Стало быть, дальнейшие исследования буддизма в тюркской цивилизации не теряют актуальности и в наши дни.

В этой связи история и современные особенности распространения буддизма в Центральной Азии примечательны, прежде всего, самим фактом встречи и взаимовлияния тюркской и буддийской цивилизаций, близость которых основывается на идее духовного пути, саморазвитии человека на основе достижения им гармонии с собой, окружающим миром и Вселенной. Эта идея пути-движения, получившая наиболее полное воплощение в тенгрианстве, в особой мере характерна для образа жизни и сознания кочевников. В буддизме и основных его течениях также отчетливо проявились схожие социокультурные факторы и философские аспекты гуманизма, этики, морали и принципов гармонизации бытия и сознания как на индивидуальном уровне, так и в глобальном измерении.

Список литературы / References

Анохин, А. В. (1927). Бурханизм в Западном Алтае. *Сибирские огни*. № 5. С. 162-167.

Anokhin, A. V. (1927). Burkhanism in Western Altai. *Siberian lights*. no. 5. pp. 162-167. (In Russ.)

Аязбеков, С. А., Аязбекова, С. Ш. (2021a). *Цивилизации Великой степи: философско-культурологический анализ (к проблеме начала)*. 2-е изд. Нур-Султан. 352 с. (Серия «Цивилизации и искусство Великой степи»).

Ayazbekov, S. A., Ayazbekova, S. Sh. (2021a). *Civilizations of the Great Steppe: philosophical and cultural analysis (on the problem of the beginning)*. 2th ed. Nur-Sultan. 352 p. (Series “Civilizations and Art of the Great Steppe”). (In Russ.)

Аязбеков, С. А., Аязбекова, С. Ш. (2021б). *Культура и искусство Великой степи: цивилизационный контекст*. Нур-Султан. 392 с. (Серия «Цивилизации и искусство Великой степи»).

Ayazbekov, S. A., Ayazbekova, S. Sh. (2021b). *Culture and Art of the Great Steppe: Civilizational Context*. Nur-Sultan. 392 p. (Series “Civilizations and Art of the Great Steppe”). (In Russ.)

Аязбекова, С. Ш. (2018). Тенгрианская и буддийская космология: опыт сопоставительного анализа. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. Т. 160. Кн. 6. С. 1354-1365.

Ayazbekova, S. Sh. (2018). Tengrian and Buddhist cosmology: an experience of comparative analysis. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. Vol. 160. no. 6. pp. 1354-1365. (In Russ.)

Аязбекова, С. Ш. (2023). Великая степь: тенгрианская цивилизация и буддизм. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 1. С. 86-101. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.86-101

Ayazbekova, S. Sh. (2023). The Great Steppe: Tengrian Civilization and Buddhism. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 1. pp. 86-101. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.86-101. (In Russ.)

Бакай, Н. (1926). Легендарный Ойрат-Хан: из истории туземных движений на Алтае. *Сибирские огни*. № 4. С. 117-124.

Bakay, N. (1926). Legendary Oirat-Khan: from the history of native movements in Altai. *Siberian Lights*. no. 4. pp. 117-124. (In Russ.)

Верецагин, В. И. (1919). Очерки Алтая. *Сибирский рассвет*. № 3-4. С. 57-61.

Vereshchagin, V. I. (1919). Sketches of Altai. *Siberian dawn*. no. 3-4. pp. 57-61. (In Russ.)

Волобуев, В. И. (1963). Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии. *Известия АН РК. Серия общественных наук*. № 6. С. 11-16.

Volobuev, V. I. (1963). Some results of the reconstruction of the map of Dzungaria. *News of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series*. no. 6. pp. 11-16. (In Russ.)

Кляшторный, С. Г., Лившиц, В. А. (1971). Согдийская надпись из Бугута. *Страны и народы Востока*. Вып. 10. М. Наука. С. 121-146.

Klyashtorny, S. G., Livshits, V. A. (1971). Sogdian inscription from Bugut. In *Countries and peoples of the East*. Iss. 10. Moscow. pp. 121-146. (In Russ.)

Козлов, В. В. (2011). *Психология буддизма*. М. Институт консультирования и системных решений. 200 с.

Kozlov, V. V. (2011). *Psychology of Buddhism*. Moscow. 200 p. (In Russ.)

Садовой, А. Н. (2000). *Народы Южной Сибири в XIX–XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма*. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 42 с.

Sadovoy, A. N. (2000). *The peoples of southern Siberia in the nineteenth and twentieth centuries. Ethnosocial Aspects of Paternalism*. Extended abstract of Doctor's thesis. St. Petersburg. 42 p. (In Russ.)

Насонов, А. А. (2010). Влияние буддизма и христианства на формирование вероучения бурханизма в ходе процесса синкретизации на территории Алтае-Саян в конце XIX – начале XX вв. *Мир Евразии*. Горно-Алтайск. № 2 (9). С. 64-68.

Nasonov, A. A. (2010). Influence of Buddhism and Christianity on the formation of the dogma of Burkhanism during the process of syncretization on the territory of Altai-Sayan in the late 19th – early 20th centuries. *World of Eurasia*. Gorno-Altai. no. 2 (9). pp. 64-68. (In Russ.)

Насонов, А. А. (2011). *Распространение ламаизма на территории Алтае-Саянского региона*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск. 30 с.

Nasonov, A. A. (2011). *The spread of Lamaism in the territory of the Altai-Sayan region*. Extended abstract of candidate's thesis. Tomsk. 30 p. (In Russ.)

Насонов, А. А., Мартынов, А. И. (2012). Внешнеполитические факторы распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона в конце XIX – начале XX вв. *Вестник КемГУ*. № 3 (51). С. 92-96.

Nasonov, A. A., Martynov, A. I. (2012). Foreign policy factors of the spread of Lamaism in the territory of the Altai-Sayan region in the late 19th – early 20th centuries. *Bulletin of the KEMGU*. no. 3 (51). pp. 92-96. (In Russ.)

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. (1993). Алматы. Гылым. 248 с. (Серия «Путешествия. Открытия. Приключения»)

Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Guillaume de Rubruk. (1993). Almaty. 248 p. (Series "Travel. Discoveries. Adventures"). (In Russ.)

Рудой, В. И., Островская, Е. П. (2000). Учение о вселенском правителе. *Категории буддийской культуры*. 2000. СПб. С. 81-97.

Rudoy, V. I., Ostrovskaya, E. P. (2000). Teaching about the universal ruler. In *Categories of Buddhist culture*. St. Petersburg. pp. 81-97. (In Russ.)

Чмеленко, Ю. (2013). Загадка буддийских петроглифов в Казахстане. *Правда. Ру.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/science/mysterious/past/19-06-2013/1160235-tarbagatay-0/> (дата обращения: 10.07.2023)

Chmelenko, Y. (2013). The mystery of Buddhist petroglyphs in Kazakhstan. *Pravda. RU.* [Online]. Available at: <https://www.pravda.ru/science/mysterious/past/19-06-2013/1160235-tarbagatay-0/> (Accessed: 10 July 2023). (In Russ.)

Эррикер, К. (1998). *Буддизм*. Пер. с англ. Л. Бесковой. М. 302 с.

Erriker, K. (1998). *Buddhism*. Beskova, L. (transl.). Moscow. 302 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / About the author

Аязбеков Скандарбек Абуевич – академик, вице-президент Академии художеств Республики Казахстан, кандидат искусствоведения, почетный доктор философии, профессор Американского дзен-колледжа при ЮНЕСКО, e-mail: skan.ayazbekov@icloud.com

Статья поступила в редакцию: 15.08.2023

После доработки: 15.09.2023

Принята к публикации: 20.09.2023

Ayazbekov Skandarbek – Academician, Vice-President of the Academy of Arts of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Art History, Honorary Doctor of Philosophy, Professor of the American Zen College at UNESCO, e-mail: skan.ayazbekov@icloud.com

The paper was submitted: 15.08.2023

Received after reworking: 15.09.2023

Accepted for publication: 20.09.2023